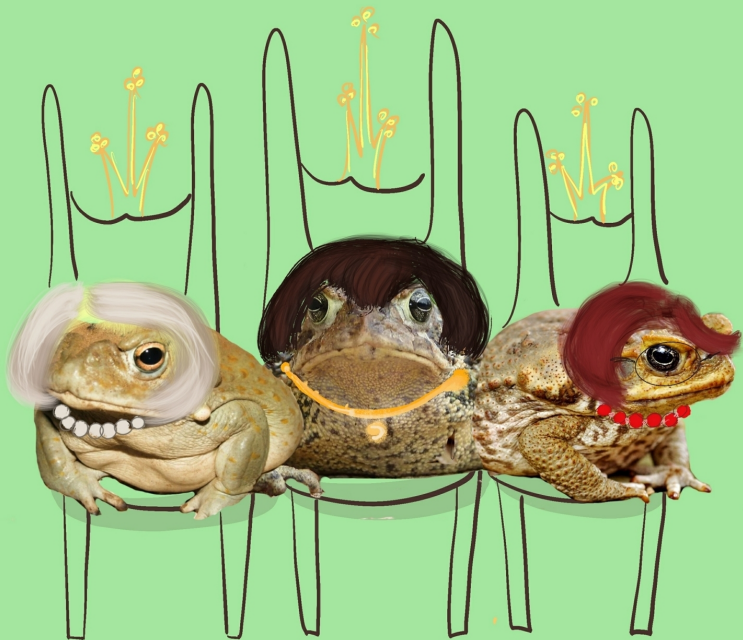

Семейные психологи

Евгения Хамуляк

6+

Евгения Ивановна Хамуляк

Семейные психологи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421208

SelfPub; 2020

Аннотация

К чему приводит излишний просмотр детьми телевизора с его многочисленными программами, где порой взрослому-то сложно разобраться: кто прав, кто виноват, дельные ли советы даются или лапша на уши вешается по чем зря. Очень насыщенная тема сказочки "Семейные психологи", где каждый из родителей, возможно, узнает чуточку себя.

Евгения Хамуляк

Семейные психологи

«Назначена беседа с психологом!» – было нарисовано красной пастой красивым учительским почерком, как приговор без обжалованья, в дневнике Вани Потемкина, ученика 6 «В» класса среднеобразовательной школы номер 2 переедого промышленного города-героя Химки, когда он пришел домой и почти с гордостью показал дневник Маме.

– Ужас какой! – завопила Мама, но не на сына или дневник... – Они, наверное, хотят, сделать из учеников сирот! Вот зачем, скажи мне, обязательно надо писать красной ручкой и таким лошадиным кеглем восклицательные знаки, как будто кто-то умер? Хотят надорвать сердце у родителей заранее, чтобы оно разорвалось в муках от предстоящей встречи? – Мама внимательно посмотрела на сына в поисках последствия катастрофы, о которых вещала красная паста, но тот выглядел вполне обычно, бодро кушал суп, успевая кивать и поддакивать родительнице, торопившейся на работу сразу же после кормления детишек. А их в семье Потемкиных имелось сразу два: Ванечка, старший сыночек, шестиклассник, и Вася, ученик второго класса все той же школы номер два, находящейся в двух минутах ходьбы от дома. Оба, еще не переодетые в домашнюю одежду, сидели в строгих,

но очень симпатичных школьных костюмчиках, делающих из простых сорванцов настоящих кадетов (по крайней мере, так воображала себе Мама, чье детство прошло в разъездах по нашей безграничной стране вместе с папой и мамой, военными пограничниками, всегда гордо носившими свою форму и знавшими толк в учении и служении родине). Сидели, обвязанные по самые уши фартуками, чтобы не запачкать красивую официальную форму учеников.

– Ванька, ты за Васькой следи, ладно?! Мы с папой придем вечером, как раз к приходу этого распсихолога с красной пастой... Что ты еще там натворил? – спросила Мама беззлобно уже из коридора, на ходу одевая туфли-лодочки. – Вот пошла же мода на этих психологов! Скоро налог введут, что б и их кормить еще, а они за это нас уму-разуму учить станут... – все причитала Мама, надевая пальто, так и не дождавшись ответа от сына, но подспудно подозревая, что тот захочет ответить.

– А я хочу стать психологом! – на прощанье радостно крикнул Ванька из кухни.

– Да знаю я! – буркнула Мама, закрывая дверь на ключ. – Лучше б математику или русский на пятерки учил...

– Как они... – мечтательно подытожил Ваня, снимая фартук с себя и с брата, после чего поставил посуду в раковину и включил телевизор, по которому уже веселой рябью в сопровождении забавной песенки предлагали узнать про все семейно-бытовые раздоры и скандалы известных и неизвест-

ных людей нашей безграничной родины под умные комментарии ведущих.

Ванька не спешил поворачиваться к плазменному ящику, так как знал, что до того как начнется его любимая передача, а точнее все три подряд, с этой общей будоражащей темой, пройдет еще целых семь с половиной минут. Поэтому он хорошенько, как учил Папа, перемыл посуду за собой и братом и переоделся в домашнее. Его примеру последовал и послушный Васька, сытый и довольный, по дороге подобрав с пола любимую раскладывающуюся пожарную машинку. В предвкушении счастливых моментов, они вдвоем уселись на диван в ожидании начала.

– Как они... – прошептал Ваня, когда камеры закружили-закружили и усталились на трех взрослых тетенок такого неприятного вида, что малыши, хоть и смотрели эту программу ежедневно по будням с тринадцати до пятнадцати, в очередной раз поморщились.

«Как они», – про себя еще раз отметил Ваня, желая, конечно же, походить не с виду, а изнутри, или точнее, научиться говорить так же умно, как говорили толстухи-старухи (так называли их мальчишки между собой, не в силах запомнить странные имена). А говорить ведущие умели без всякого сомнения. Ни секунды свободного эфирного времени не было потрачено зря! Три психолога, словно злые ведьмы Граи из древнегреческих мифов про Геракла, вырывали слово одна у другой, будто свой единственный глаз, остав-

ленный в наказание злым фуриям. Периодически доходило и до пререканий, проклятий и войн. Ну прямо как в мифах Древней Греции!

– Какие же они страшные, – поддакнул Васька, сморщившись от вида самой главной старухи-толстухи, которая кривлялась больше всех и была похожа на белую жабу с черными волосами, постоянно вступающую в перепалки то с рыжей жабой, то с белой, сидящими по бокам.

Но ребята уже подзабыли эти неприятные моменты, когда наконец была обозначена тема передачи: «Влияние конфликтов в семье на психику детей».

И тут начался цирк! Или, говоря современным языком, настоящая психология! В зал к трем страшным ведущим выходили плачущие горькими крокодильими слезами то родители, то дети, жалуясь по очереди то на судьбу, то друг на друга. Старухи-толстухи кивали, визнавали, кто первый начал, кто кого как обозвал и какую дохлую кошку кому подсунул, немножко жалели тех и других и беспрестанно давали советы.

Ваня достал из-под подушки свой дневник, куда записывал умные советы жаб, уверенный в том, что когда-нибудь они ему обязательно пригодятся, ведь он решил во что бы то ни стало сделаться настоящим психологом!

«Как они, но только симпатичнее!» – опять с поправкой про себя добавил Ваня. И стараясь не смотреть на кривлянья тетенок по телевизору, упорно записывал за ними, утвержда-

ющими, что знают не понаслышке, «что такое хорошо и что такое плохо».

«Значит, много они дохлых кошек перевидали», – как бы между прочим отметил мальчик.

Все сводилось обычно к нескольким советам рыжеволосой тети, кричавшей больше всех.

«Наверное, она еще и психиатр», – подумалось мальчику, не совсем понимающему чем отличаются и чем занимаются психиатры, но так кричать должны были уметь именно они!

Итак, основными причинами ссор между всеми и всеми (а в зал уже набилось около двух десятков плачущих родителей, бабушек, дедушек, детей и даже злополучных соседей, которых пригласили за компанию в качестве свидетелей) являлись неправильные традиции предков, чье трудное детство, войны и голод, и еще почему-то коррупция и культ личности Сталина (про дяденьку с усами и трубкой, похожего на Деда Мороза в форме пограничника, много говорилось по другим каналам телевидения, но Ваня с Васей, честно говоря, не могли уяснить, как давно умерший дядя мог перессорить сидящих в студии?) не давали всем этим несчастным правильно расти, питаться и развиваться. И как результат – полное непонимание друг друга, слезы, семейный кризис и даже безденежье.

«Свобода, любовь, приятие...» – записывал Ваня за жабой с черными волосами, стараясь на нее не смотреть, но

слушать, а потом вдруг задумался, закусив край ручки, и обратился к Васи, в упор смотрящему на телевизор. Брат ничего не записывал, так как и в школе писал медленно, и по чтению и русскому языку имел то твердую тройку, то нетвердую четверку.

– Ты знаешь, что такое «приятие»? – надул губки будущий психолог Ваня.

Вася, не оборачиваясь на брата, деловито обратился глазами за помощью к потолку:

– Я думаю, типа ты всех любишь, ну как папу и маму, даже если они неприятные... – и Вася опустил глаза вновь на телевизор, откуда уже вещала злобного вида белобрысая старуха-страшилище.

– Спасибо, – Ваня радостно и с приятием толкнул младшего брата в бок.

А ведь и самому можно было догадаться!

Приятие – приятель – приятно, – ну конечно! Так просто! «Это, типа, ты всем улыбаешься, даже, если они тебе и не приятели, а то и вовсе неприятные... Элементарно!» – записал на всякий случай себе в дневник Ваня и уставился на светловолосую психологиню, отчитывающую семью за то, что в их неправильной жизни не наблюдалось ни капельки свободы, любви, и уж тем более приятия.

Короче говоря, ребята были заняты так до самого вечера, лишь отбегали во время рекламы попить водички и в туалет, а потом опять, как заколдованные, усаживались перед

голубым экраном, в будни полностью отданным в рабство психологам всех мастей, одни страшнее других. С тринадцати до пятнадцати часов эфирное время принадлежало старухам-толстухам, ругающим людей, а потом женящим их между собой, а после старух – дяденьке, очень напоминающему Кощея Бессмертного, с таким же серым цветом лица и худющим горбатым телом. Этот обругивал и стравливал между собой мужчин и женщин, растолковывая им, какие они разные. И те и другие, очень согласные, начинали так истошно кричать на это стравливание (а вскорости и на дяденьку горбатого Кощея), что в результате становились очень похожими друг на друга.

Эту передачу больше всего любил смотреть Васька. Он даже забывал бегать за водичкой и в туалет, так переживал то за одну команду, то за другую: то за тетенок, то за дяденек, которым доставалось от Кощея Бессмертного по первое число. И хотя понимал с гулькин нос, чего это они там все развещались, как куры в курятнике, но иногда покрывался алым румянцем, особенно когда обстановка в зале накалялась до предела, и кому-то грозило ходить с надранными ушами.

Ваня с восхищением смотрел на брата, погруженного в происходящее на экране до самого последнего рыжего волоска на большой головке второклассника, и понимал, что тот тоже пойдет по его тропе в непроходимые дебри человеческой души. Но станет, похоже, психиатром.

***

Неожиданно прозвенел дверной звонок – это первым пришел с работы уставший Папа. Уставшим он был не из-за того, что перетрутился, ибо профессия у него была любимая и интересная – шеф-повар, а из-за...

– Про-о-бки... – мучительно выдавил из себя отец семейства и тут же улыбнулся, завидев своих пацанов, деловито сидящих на диване перед телевизором.

– Опять зомбо-ящик смотрите? – беззлобно пожурил Папа и упал на диван рядышком. В этот момент телепрограмма с Кощеем Бессмертным закончилась. На прощанье тот заманчиво анонсировал, о чем будет следующая, пообещал еще больше страстей и скандалов, попрощался и передал слово, а точнее, всевидящее око раздора, которое ему до этого вручили гурии, телеведущим срочных новостей... Те, практически обливаясь слюной, жаждали рассказать свежие ужасные новости, собранные с миру по нитки.

– Кровососы! – устало брякнул Папа на первые же картинки, посыпавшиеся из телевизора, и, щелкнув пультом, переключил на телеканал о животных, где как раз в этот момент плотоядные голодные гиены в ночи доедали тушу слона. Рядом валялись сытые львы, с заинтересованным видом уставившись в камеру и поглядывая на того, кто, верно, прятался за ней, как на новый бутерброд. Папа зевнул на это зрелище и переключил внимание с животных на своих отпрысков:

– Что там еще за беседа с психологом? – устало спросил родитель, намекая, что Мама ему уже все растрезвонила, по-

этому он ждет только чистосердечное признание.

– Ну, Мария Ивановна, наша классная руководительница говорит, что я совсем от рук отбился, мои мысли где-то летают, я ворон считаю на уроках, мое внимание рассеяно, а поведение и дисциплина расшатаны, – по памяти цитировал Ваня. – Пока математика с русским ждут-не дождутся меня в классе, иначе в четверти сто пудов будет двойка, и из отличника я быстро заделаюсь троечником, а может быть, со временем, если ничего не предпринять, и двоечником. Что плохо. Короче, учительница позвала на помощь психолога, а та, Светлана Ивановна...

– Пап, почему все учителя обязательно зовутся или Мария Ивановна, или Светлана Ивановна, или Клавдия Ивановна...? – встрял Вася с озабоченным видом, не на шутку призадумавшись над случайным (а может быть, вовсе и не случайным!) совпадением. Рыжие бровки сложились на лбу в весьма серьезную морщинистую извилину, требующую от отца распрямления.

– Вася, а ты сам, кстати, уроки сделал?! – вопросом на вопрос ответил Папа, нахмутив точно такую же, но побольше, извилину на лбу, и мальчика как ветром сдуло в детскую, куда его нога не ступала с самого возвращения из школы. Дети провели у телевизора почти семь часов кряду!

– Светлана Ивановна, – продолжал старший сын, – сказала, что вся неуспеваемость и потеря интереса к учебе упирается в психологию родителей. И она, кстати, Пап, права...

– стал кивать симпатичной головкой Ваня, с таким тяжелеющим серьезностью и досадой взглядом от опыта и понимания (ну точно как у Кощея!), дарованными говорящими головами из телевизора, что Папа стал подозревать неладное.

– Я что-то не понимаю, объясни-ка своими словами, сынок.

– История длинная, – подготавливал Ваня почву и... отца. Так всегда делали психологи, чтобы настроиться. А для пущей похожести Ваня скопировал позу Кощея: тот складывал руки на груди крестом и в три погибели сгибался, будто на него тяжелый мешок с картошкой взвалили.

– Ничего, до прихода мамы есть время... – удивлялся и ужасался Папа, глядя на чересчур посерьезневшего сына.

– Ну, сначала я хотел учиться. Даже не то что хотел, мне эти их задачки решить – раз плюнуть! Вообще удивляюсь, кто и зачем их столько выдумывает, как будто делать больше нечего – сидеть и пыhtеть над новыми головоломками, которые никогда не пригодятся! Вот, Пап, сам пораскинь мозгами, кому в реальной жизни поможет задачка с пароходами? Помнишь, даже ты не мог понять смысл? И если б мы не подглядели в интернете ответ, то не догадались бы ни за что на свете... Но я-то догадался!

Папина морщинистая извилина на лбу скукожилась сильнее при упоминании треклятой задачки про пароходы, движущиеся в четыре разные стороны с разными скоростями, разными габаритами, целями, грузами, капитанами и мат-

росами, но где требовалось определить скорость движения реки Волги в том месте, где пароходы неожиданно встретились... Папа даже хотел написать жалобу в Министерство образования на людей, придумывающих такую белиберду, а на деле совершающих насилие над светлой человеческой мыслью, вырвавшей человека из небытия в космос!.. но потом закрутился на работе и подзабыл про клязузу.

– Им надо нас подольше в школе задержать! Понимаешь? Иначе куда они, бедненькие, пойдут работать, если только такие глупости научились придумывать? Вся учеба в школе – это пустое время. Одиннадцать лет можно было спокойно в пять уложить! Конечно, я понимаю, надо учиться, но тому, что... – мальчик искал слова, но не находил, а потом вспомнил про дневник, достал его из-под подушки и тут же нашел необходимую цитату, записанную с телевизора:

– «То, что является твоей миссией, предназначением, центральным и высшим смыслом жизни любого человека, для выполнения которой он посылается в этот мир»... Поэтому я хочу стать психологом, Пап. И сейчас прохожу обучение у разных... – Ваня замялся, поскольку не помнил точных имен старух, а называть их жабьими прозвищами перед взрослым было некрасиво и неудобно, мог потеряться авторитет сказанного про миссию. – У самых лучших!

– Поэтому ты перестал делать уроки? – подвел итог родитель.

– Это было ошибкой, – согласился сын. – Мы с Васей по-

нимаем, что за один день систему не сломать, надо подстроиться под нее и менять изнутри по кирпичику, поэтому если ты на счет оценок и успеваемости, то я пятерок не гарантирую, но твердую тройку обещаю. Дисциплина тоже подрастет!

Папа обомлел от всех этих речей и воззрился на сына с разными чувствами, в первую очередь, гордостью и восхищением. Эти сыновьи речи напомнили ему его собственную школьную пору, когда он точно знал, что хочет стать поваром, а ему усиленно совали задачки про пароходы в приправе с тангенсами с котангенсами. И в его поведении тоже наблюдались революционные порывы против системы, поэтому Бабушку, Маму Папы, часто вызывали в школу для разбирательств. И если бы не доброе сердце педагога Валентины Алексеевны, махнувшей рукой на злополучные кривые, неизвестно куда бы вырвалась эта бушующая сила... и по какой кривой пошла?! Но мудрый педагог сразу оценила запал и страсть мальчика к хозяйственной теме, приносившей не только твердые пятерки, но и многочисленные дипломы по труду и кулинарии.

Но была у него и тревога. Дело в том, что Папа плохо себе представлял, кто такие психологи. Мужская ли это профессия? Дельная ли? Или придется Ване всю жизнь брюки просиживать в кожаном кресле и людей дурить заумными словами? Честно говоря, именно так представлял себе Папа профессию психолога.

Ну действительно, рассудите сами! Вот случись у него беда – что делать? Уж конечно не к психологу бежать, сломя ноги. А если ноги действительно сломаются, – опять же, не в психологический кабинет обращаться, а в травматологический.

А если беда или трудность какая, Папа сразу же кинулся бы к брату Леньке. А на что тогда брат? Если не Ленька, так отец с матерью, люди они мудрые, светлые, с опытом, рассудили бы, что к чему. Папа им часто названивал, советовался.

Если денег занять, ну мало ли на что, – так дружбаны веселые из армии, да со студенческой скамьи, да коллеги любимые, с кем пуд соли съеден, – они сгодятся! Тимыч, Михалыч, Говорухин, Вовка-стрелец, Иннокентий, Влад-матрос, Влад Горбатый, Витька, в конце концов... В общем, есть люди в отчизне!

Ну а самым главным резервом и двигателем прогресса, главным психологом в Папиной жизни представлялась, без сомнения, Мама. Без нее никуда! И хотя они последние полгода не совсем в ладу жили, можно даже сказать, как кошка с собакой лаялись... Кстати! И тут ведь не обошлось без влияния психолога!

«История длинная», – скрестил руки на груди Ваня, читая папины мысли... Правда, в голове у Папы она пронеслась за пять секунд. Но Ваня давно ее описал словами в своем дневнике.

Дело было так...

***

Полгода назад решил Папа открыть собственный ресторан, это его дядя Леша к этому подтолкнул, у которого их целых восемь штук было и еще не хватало, видимо. И исполнилась главная мечта, или, как выражался Ванька, свершилась миссия Папы – стать шеф-поваром и одновременно директором, и сделать все-все по-своему в этом новом ресторане мечты. Всю душу Папа туда вкладывал, день и ночь там проводил. И все бы хорошо, но Мама... Она как бы все понимала и про миссию, и про перспективы, но видимо, не до конца... Если б ей перепадал хотя бы малюсенький кусочек от той большой души, что вкладывалась в ресторан, она бы успокоилась, но Папа же не был психологом, чтобы знать такие тонкости.

Одним словом, сначала по мелочам, потом больше, начались в семье Потемкиных потемки: родители стали жаловаться друг на друга, дуться, пререкаться, а потом и ссориться. Самое удивительное, что во время ссор Папа и сам был не рад, что завязался с этим рестораном. Он-то думал, что старается для семьи, и в частности для Мамы. А Мама... Она думала, что терпит одиночество и все хлопоты, на нее взвалившиеся, из-за Папы. Дети ничего не думали, но больше стали вникать в психологию ссор и конфликтов с помощью советов из телевизора, преимущественно по будням, сразу после школы.

А ссоры были такие. Ваня записывал за родителями, которые расхаживали, как заведенные солдатики, из комнаты в комнату и размахивали руками:

– Интересная у тебя логика! Ты будешь пропадать с утра до ночи, а я должна взвалить на себя дом, и детей, и уборку, и еще успевать с любимой работой... А дети, между прочим, нуждаются во внимании: с ними надо делать домашние уроки и поделки! После этого вся квартира как после нашествия Мама становится. Кто это будет убирать?!

– Пусть дети и убирают, – отмахивался Папа, ходящий по часовой стрелке от Мама. – Или давай найдем домработницу.

– А кто их будет воспитывать, чтобы они после себя убирали? Домработница? – не унималась Мама.

– А пусть они не делают поделки! Пусть дураками растут... Я лично против лишнего мусора в доме. Мы вот не делали поделок – и ничего! Выросли как люди, – вдруг родители остановились, перевели дух, опять засверлили друг друга взглядами и начали хождение уже против часовой стрелки.

– А я знаю, почему ты отнекиваешься, – ехидно затараторила Мама. – Понимаю твою логику: мусор убирать – домработница, детей воспитывать – няня. Может, и жену захочешь заменить сиделкой?

– Опять началось, – с отчаянием взялся за голову Папа и вновь пустился по часовой стрелке.

– Только ты не думай, что это удастся! – угрожающе по-

махала пальцем Мама. – Я плохая мать! Это я соберу чемоданы и оставлю тебя, дорогой, справляться и с двумя детьми, и с мусором, и с уроками, и с подделками, а сама поеду в Таиланд свою мечту реализовывать...

– Интересно-интересно, и какая же это у нас мечта? – вдруг взъерошился Папа, и броуновское движение нелепых упреков устремилось вновь по часовой стрелке...

– А если бы ты проводил больше времени с женой, знал бы... – кинула, как голодному псу кость, Мама.

В общем, вечера проходили насыщено...

Вы спросите, но при чем же здесь тлетворное влияние психологов?

При первых же неразрешимых трениях Потемкины по совету близкой дружеской семьи Веселовых – как раз того самого дяди Леши, у которого имелось восемь ресторанов, а с Папой Потемкиным прибавился девятый, – обратились к помощи проверенного психолога. В свое время, в бытность открытия первого ресторана, в который была вложена вся душа семьи Веселовых до последней капельки и который чуть не разрушил и семью, и бытность, и душу, уважаемый психолог посоветовал не сдерживать своих чувств, открыто обговаривать трудности «на берегу» и вместе приходить к единому мирному решению.

Вот с тех пор никто и не сдерживал своих чувств, но почему-то до мирных решений, по крайней мере у Потемкиных,

никак не доходило...

***

В дверь позвонили, и мужчины поняли, что пожаловал психолог из дневника для обещанной беседы. Правда, вместе с ним, – точнее, с ней, – вошла и Мама, вернувшаяся с работы.

Взрослые представились и обменялись рукопожатиями, весьма приятными и дружественными, как вдруг Мама настороженно спросила:

– Может быть, вы хотите переговорить с Ванечкой отдельно? Или с его Папой отдельно? Отец оказывает на сыновей самое большое влияние. Я читала, что это очень хорошо для воспитания.

– А может быть, вы хотите переговорить отдельно с Мамой? – вдруг встрял Папа с ужасом в глазах. – Я читал, что мать – это главный человек в жизни ребенка. Неважно, мальчика или девочки.

Дети с удовольствием и вниманием крутили рыжеволосыми головами, будто следили за прыгающим мячиком пинг-понга, в который играли Мама и Папа. Наконец невидимый шарик свалился в руки психолога Светланы Ивановны Демченко, попросившей разрешения усесться в кресло и загоразивая таким образом телевизор, на экране которого гиены наконец-то доели слона.

– Зачем же отдельно? Давайте поговорим вместе. Мария Ивановна очень хвалила Ванечку, предупреждала, что маль-

чик не просто умный, а даже в некоторой степени гениальный. То же самое, только про Васечку, говорила и Клавдия Ивановна, классный руководитель второго класса.

– А как же двойка в четверти по математике? – удивилась Мама, кивая на Ваню.

– И тройка по чтению? – зыркнул Папа на Васю.

– У многих гениев прошлого и современности были неполадки с тем или иным предметом, но это не умаляло их гениальности, оригинальности и избранности.

– Так вы думаете, проблема в нас? – с горечью спросила Мама, даже не глядя на Папу.

– Я не думаю, что у вас есть проблемы, – туманно начала Светлана Ивановна, а потом широко улыбнулась, увидев жалкие выражения лиц своих подопечных. – Скорее, просто временные трудности, – она огляделась по сторонам, отмечая ухоженность, чистоту, уют квартиры Потемкиных: везде были развешены милые картины с изображением цветов, леса и фей (очень похожих на хозяйку квартиры). Комнаты были проветрены, воздух приятно пах свежестью; громадный шкаф в зале глядел десятками книг на самые разные темы; мальчишеские игрушки попадались на глаза, но не были разбросаны... Эти и многие другие детали отмечал профессиональный взгляд семейного психолога.

Так может выглядеть дом, где живет счастье, – сам собой сделался вывод.

– Причины могут быть самые разные. Совсем недавно, на-

пример, я побывала в гостях у новых учеников школы. Их замечательная дружная семья переехала из другой страны, и тоже появились трудности со школьными предметами, однако это вызвано стрессом из-за привыкания к новым обстоятельствам, языку, правилам, темпу жизни. Поэтому мой прогноз самый оптимистичный. В конце концов, школа когда-нибудь да закончится, а вот любовь и счастье останутся, если, конечно, поддерживать тепло, как в очаге.

Светлана Ивановна говорила так ласково и по-доброму, что Ваня с Васей заслушались. Их лица просветлели, как и лица родителей, и семья прониклась к госте беспричинным приятием и доверием.

«Вот это психолог! И даже не кричит!» – отметил Ваня.

– Давайте все вместе вспомним, когда начались эти самые трудности со школой и дисциплиной, вдруг у этого тоже есть общая причина? – дружелюбно начала Светлана Ивановна. – Может, переезд или еще какие-то перемены?

Все молчали. Никто не знал, нужно ли рассказывать посторонней тете, пусть и присланной из школы, про открытие ресторана и ту долю внимания, что дело жизни Папы стало перетягивать на себя? Ведь, в сущности, дело-то хорошее – думали хором, но не произнося вслух, домочадцы.

– В школе мне сказали, что основные трудности с детьми начались примерно полгода назад, и это как-то связано с психологией? – обратилась к Ване гостя.

– Да, я... то есть, мне... то есть, нам... – Ваня посмотрел

на Васю, – Мы с братом решили, что когда вырастем, обязательно станем психологами или даже психиатрами.

Папа присвистнул, а в уме стал гадать, чем эти две профессии отличаются друг от друга.

– Хорошее решение! – похвалила Светлана Ивановна. – А в какой сфере вам бы хотелось работать?

– В семейной, – серьезно ответил мальчик. – Разбираться с семейными конфликтами...

– Понятно. Благородная и сложная миссия, я тебе скажу! – подбодрила ученика Светлана Ивановна, когда тот вдруг сник, увидев ошарашенные лица своих родных. – Только ведь в нашем деле без терпения никак. А знаешь, что наша школа именно этому и учит? Только надо правильно понимать ее учения, – она придвинулась ближе. – Я, например, тоже разделяю твои воззрения о том, что большинство изучаемых предметов слишком мудреные, расплывчатые, скучные и даже бесполезные. Их будто специально придумывают, чтобы воспитывать в учениках только терпение. Понимаешь? – хитро подмигнула психологиня. – Ведь ты же предполагаешь, что в жизни будет в тысячу раз сложнее? Попробуй тут без терпения и выдержки выслушать все-все стороны, когда они без остановки спорят, кричат и не хотят друг друга слушать. Да еще и найти для них мирное решение! В этом отношении профессия психолога похожа на участь самурая. Благородного, холодного, справедливого, мудрого, терпеливого воина, которому все нипочем, тем более уж вы-

учить школьную программу математики или русского языка с литературой и обкатать на них свое терпение.

Теперь Ваня с Васей придвинулись поближе.

– А вот другой пример. Знаете ли вы, ребята, что монахи школы боевых искусств Шаолиня, которые славятся на весь мир своими умениями и мудростью, – таинственным голосом продолжала гостья, – прежде чем приступить к тренировкам и чтению древних манускриптов, хранящих тысяче-летние секреты волшебства боевой магии, первые десять лет только подметают двор и моют уборные?..

Хоть это и был вопрос, никто из присутствующих даже не посмел ответить, настолько их огорошил поворот разговора.

– А все потому, что терпение является залогом любого успеха. Многие из учеников Шаолиня, кому такое задание кажется легким, выбирают еще и молчать все это время! Поэтому вам, по сравнению с японскими самураями или китайскими монахами, обучение математике и прочим предметам в школе покажутся просто цветочками. Но зато прошедшим испытания море будет по колено! А когда ты, Ваня, вырастешь и станешь Министром просвещения, то смело сможешь облегчить и разнообразить образовательную систему, внося в нее только полезные и интересные предметы.

У всех перехватило дыхание от таких речей. Первым очнулся сам Ваня.

– Молчать десять лет и мыть туалеты... – не верил своим ушам мальчик, и эта мысль вошла в конфронтацию с дру-

гой. – Но ведь психологи должны научиться говорить умные вещи, чтобы...

– ...кричать на людей, – дополнил брата Вася, поглядывая на экран, который загораживала гостья.

Светлана Ивановна проследила за взглядом мальчиков, который привел ее к телевизору, и стала кое-что понимать.

– А вы какие психологические программы смотрите? – хитро спросила она.

Мальчики не нашлись, что ответить. Они смотрели все подряд, и в голове все названия передач перепутались. Но они решили добросовестно описать ведущих, советы и заодно обозначить анонсы будущих программ. Светлана Ивановна неожиданно поняла, про кого идет речь, и от души рассмеялась.

– Эх, ребята! Разве это психологи?! Это же настоящие трутни и дуралеи, и к тому же они живут в Стране Дураков, куда заманивают наивных простачков своими крикливыми бестолковыми советами. И кто к ним в сети попадает, тот там и пропадает! – сказочно улыбалась молодая женщина.

– А как же их по телевизору показывают? Кто же им разрешил людей дурить? – не унимался слегка обиженный на слово «простачок» Ваня.

– Простачки и дурачки разрешили, потому что в Стране Дураков нет другой власти и работы, кроме дуралейства и простофильства.

– А где она находится? – заинтересовался Вася.

– Это страна несуществующая, но при этом такая же реальная, как все вокруг, – и Светлана Ивановна дотронулась до своей головы, намекая, где искать страну. – В ее сети попадают разные простофили, которые хотят быстро и легко, за чужой счет, стать умными, богатыми и счастливыми.

– У них нет терпения, да? – радостно подытожил Ваня, прозревая насчет Страны Дураков.

Светлана Ивановна утвердительно улыбнулась в ответ.

– Ты правильно понял. Но еще мне хочется вам, как будущим психологам, рассказать основы семейной психологии. Запомните, ребята, первое правило: милые бранятся – только тешатся... Знаете такую поговорку? Русские поговорки очень мудрые, можно сказать, на них и выросла вся наука психология.

– А они не разведутся, если сильно-сильно поссорятся? – чуть плаксивым голосом спросил Вася, а глаза у Вани покраснели.

Светлана Ивановна задумчиво подняла глаза к потолку в поисках помощи... Но потолок, как и стены, мебель и все находящиеся в комнате, понуро молчал.

– А они хоть раз об этом упоминали?

– Нет... – ответили хором дети.

– Ну тогда слушайте второй закон психологии: не додумывать за других их мысли и прибегать на помощь только тогда, когда вас об этом просят.

– А вас мы тоже не просили приходить... – тихо сказал

Вася, глядя на руки.

– Меня попросили к вам заглянуть Мария Ивановна и Клавдия Ивановна, хорошие и добрые педагоги, переживающие за ваши отметки и дисциплину. Ведь им кажется, что все их старания не приносят пользы, ваше внимание летает где-то в другом месте. Они очень расстраиваются по этому поводу, и их терпение быть вам нужными тает. А ведь я уверена, что учиться хорошо вам обоим ничего не стоит. Вы просто классные ребята!!!

Ваня и Вася покраснели. Родители за этот вечер уже и краснели и белели, поэтому цвета радуги гуляли по их лицам в броуновском движении.

– Ладненько, – примирительно закончила разговор психологиня, собираясь встать, – спасибо вам большое за внимание.

– Ой, мы вам даже чаю не предложили, – спохватилась Мама.

– Ничего... в другой раз. Спасибо! – собралась к выходу Светлана Ивановна. Ее решил проводить Ваня, которого неожиданно стал мучить один очень важный вопрос. И уже в прихожей, подавая пальто, он несмело задал его:

– Светлана Ивановна, а откуда вы знаете, что я стану Министром просвещения?

– Я посмотрела твой астрологический прогноз по дате рождения, – и глаза психологини вдруг засветились фиолетовым сиянием, в цвет ее пальто, туфель, шляпы и сумочки.

Ваня даже несколько раз моргнул от такого наваждения. – У тебя хороший центр с Ураном и Юпитером, станешь Министром или космонавтики, или просвещения... Хотя, может быть, к тому времени эти министерства уже объединят, – размышляла психолог.

– А... а... – опешил мальчик, – а астрология тоже наука?

– Кому как, – туманно выразилась молодая женщина, забирая свою сумочку фиолетового цвета из рук мальчика.

– А вы мне покажете, что там к чему? – вдруг осмелев, попросил шестиклассник.

– Зачем показывать? Приходи, я научу тебя. С твоим Ураном ты там быстро разберешься!